

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АЗИИ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК

*К ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТИЮ
АНДРЕЯ НИКОЛАЕВИЧА
КОНОВА*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1966

Д. М. Насилов

ПРОШЕДШЕЕ ВРЕМЯ НА *-jük/-juq* В ДРЕВНЕУЙГУРСКОМ ЯЗЫКЕ И ЕГО РЕФЛЕКСЫ В СОВРЕМЕННЫХ ЯЗЫКАХ

В структуре времен индикатива в древнем уйгурском языке форма времени на *-juq* занимала особое место. В исследуемых памятниках ¹ эта форма встречалась относительно редко: на ее долю падало лишь 8% всех случаев употребления форм прошедших времен. Ограниченное количество материала несколько осложняет анализ данной формы, однако ее специфическое употребление в текстах позволяет все же достаточно точно выяснить семантику и место формы времени на *-juq* среди других временных форм.

Парадигма спряжения глагола *kel-* 'приходить' в этой форме времени следующая:

Ед. число	Мн. число
1-е л. <i>kel-jük men</i>	<i>kel-jük biz</i>
2-е л. <i>kel-jük sen</i>	<i>kel-jük siz</i>
3-е л. <i>kel-jük (ol)</i>	<i>kel jük (-lär ol)</i>

Отрицательная форма образовывалась при помощи глагольного отрицания *-ta-*: *käl-mä-jük men; kel-mäjük siz; käl-mäjük (ol)*.

Как *verbum finitum* эта форма в памятниках уйгурского письма встречалась исключительно в прямой речи; употребление ее в авторской речи не отмечается. Такая ограниченная сфера применения говорит, очевидно, за то, что форма на *-juq* либо

¹ Для исследования привлекается группа памятников буддийского содержания на уйгурском алфавите: А. v. Gabain, *Die uigurische Übersetzung der Biographie Hüen-tsangs*, V: Kap., SBAW, Berlin, 1935 (в дальнейшем — СЦ, 5); А. v. Gabain, *Briefe der uigurischen Hüen-tsang-Biographie*, — SBAW, Berlin, 1938 (в дальнейшем — СЦ, 7); А. v. Gabain, *Türkische Turfan-Texte*, X, Berlin, 1959 (в дальнейшем — ТТ, 10); F. W. K. Müller, *Uigurica*, II—IV, Berlin, 1910—1931 (в дальнейшем — Уйг. 2, 3, 4). Примеры из рунических текстов даны по изданию: С. Е. Малов, *Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования*, М.—Л., 1951 («Памятник в честь Кюль-тегина» в дальнейшем — КТ). Примеры из памятников даются в транскрипции, которая принята в группе «Древнетюркского словаря». Цифры перед тире обозначают номер выпуска, после тире — страницу издания памятника.

обладала совершенно особым видо-временным значением по сравнению с другими формами времени, либо имела некую модальную окраску, которая реализовалась именно в прямой речи. Как показало исследование, эти предположения находят свое подтверждение.

По своему общему временному значению форма на *-juq* являлась формой прошедшего времени, передавая действие, имевшее место до момента речи.

Обратимся к примерам, которые даются в достаточно широком контексте:

ötrü atası k i l i m b i . . . ordusüña kelip amraq qızın bulmatın inča tep dedi: meniñ qızım qanča barjuq ol tep, tegräki teri jeklärdi inča tep tedilär: sizin qızınıznı arçunı toña qunup eltü bardı 'Затем ее отец Хидимба..., придя в свой дворец и не найдя своей любимой дочери, так сказал: «Куда же ушла моя дочь?» Демоны из его свиты так ответили [ему]: «Вашу дочь унес, похитив, герой Арчуна» (Уйг., 2—25).

В данном отрывке форма *barjuq ol* 'ушла' выражает прошедшее действие. Это подтверждается также и употреблением прошедшего времени на *-di* в ответе демонов: *eltü bardı* 'он унес'. Важно отметить употребление формы на *-juq* в вопросительном предложении прямой речи и ситуацию вопроса: спрашивает отец, не нашедший дома своей дочери.

ol kejköcilär elig begniñ bu muntay jarliqin eşidipertinü qorqup inča tep ötüntilär: uluğ elig-ä başimızdağı qara saçimiz uçı bölüki qırılatjuq ol telim üküş jil aj ertdi uzatı biz av avlamaqa . . . qarıjuq biz (Уйг., 3—55) 'Те охотники, услышав вот такое повеление правителя и сильно испугавшись так взмолились: «О великий правитель! Пряди наших черных волос на голове поседели. Прошли многие годы и месяцы, пока мы охотились... Мы постарели».

Здесь глаголы *qırılatjuq ol* 'поседели' и *qarıjuq biz* 'мы постарели' указывают на действия, уже законченные к моменту речи. Сообщение об истечении большого срока времени содержится в предложении, где сказуемое *ertdi uzatı* 'минули — продлились' стоит в прошедшем времени на *-juq*. Подчеркнем эмоциональный план приведенного высказывания, содержащего ответ людей, опасаящихся за свою жизнь.

ne üçün tep tesär körgil amtı jeklärdi begi va j ş i r v a n i - a ş a k i - l ä r n i y aržisi on küçlüg täyri burçan atavaki jekniñ ornänta tēr-ränçisiz jarp olurjuq ol . . . ançaqıja jemä qorqmatın ajmanmatın olurur . . . atavaki jek eki közintin ört jalın üntürüp täyri burçan üzä idu turur (ТТ., 10—24) 'Если [ты] спросишь, почему, то вот смотри, о Вайшравана, правитель демонов! Святой Шакйас,

десятисильный божественный будда, **воссел** непоколебимо крепко на трон демона Атавака. Он сидит, нисколько не боясь. Демон Атавака, извлекая из обоих своих глаз огонь и пламя, направляет их на божественного будду’.

Если в предыдущих примерах время на *-juq* употреблялось рядом с прошедшим на *-di*, то в этом примере за ним следуют формы настоящего времени. Особенно интересно соотношение форм *olurjuq* и *olurur* в двух следующих друг за другом предложениях. Первая из них показывает имевшее место до момента речи действие, вторая указывает на то же действие, но уже продолжающееся в плоскости настоящего времени.

ötrü anası praçapati... oylintin adrilmaqlıy emgäkin qoşşap barıp teginkä inça tep dedi: amraq oylum-a ne iş islägäli oçrajuq sen isig özünin meni birlä titip idalap ekinti aźunqa barıalı saqınjuq sen senitin adrıyuluq savıy köñülüntä ariti saqınmaz ertim... anta ötrü suprija qız inça tep dedi: begim-ä maña amranmaq köñülünizni janturu kim ketärdi erki meni ayır uluy emgäklig tilgän arasinta kemişgäli oçrajuq siz (Уйг., 3—48) ‘Затем его мать Прачапати..., переживая страдания разлуки с сыном, пришла и так сказала принцу: «О мой любимый сын! Что за дело ты **задумал** совершить? Ты **задумал**, разлучив свою жизнь со мной, перейти в другой мир! Я совершенно не думала в своем сердце о разлуке с тобой...». Затем девушка Сиприя так сказала [принцу]: «О мой любимый правитель! Кто же опять отвратил от меня ваше любящее меня сердце? Вы **вознамерились** бросить меня под колесо тяжелых, великих страданий!»’. Эмоциональный характер прямой речи в приведенном тексте несомненен.

Определенную экспрессивность содержат и все другие предложения, где применяется эта форма, например: *qatıy köñül öritip qorqınçsız ajınçsız köyülin sizlärni birlä süñüşgäli keljüük men* (Уйг., 4—684) ‘Возбудив [в себе] жестокость, я с бесстрашным сердцем пришел, чтобы сразиться с вами’; *nom bitiglärin telim jıxjuq men bularnı alıp anıy küci üzä tegürgäj erki men* (СЦ., 5—158) ‘Я собрал много [священных] книг, донесу ли я все это из-за тяжести’; *burxan törüsüz toqusuz amranmaq teginmäkig artuqraq jerjüük ol* (Уйг., 3—83) ‘Будда очень **поричал** незаконную любовь и связь’; *bu muntay tül tüşäjüük men* (Уйг., 3—54) ‘Я **видела** вот такой сон’.

Теперь сравним ряд аналогичных предложений со сказуемыми в различных формах прошедших времен:

inça tep dedi: meni jemä saña-oq urunçaq idjuq ol (ТТ., 10—32) ‘Он сказал: «Он **послал** также и меня [в качестве] залога’ — *jana pratçadivi açarıqa bitig itdi* (СЦ., 7—383) ‘Еще он

направил учителю Прачнадева письмо' — *eki böz . . . idmîş erür* (СЦ., 7—375) 'Он послал две [штуки] материи'.

В этих предложениях сказуемые выражены формой времени на *-juq*, формой на *-di* и на *-miş + erür*. Все эти формы являются формами прошедших времен. Прошедшее на *-juq* употреблено в прямой речи, характеризующейся определенной экспрессией, прошедшее на *-di* сообщает о происшедшем действии, находящемся в цепи других действий. Прошедшее на *-miş*, являясь формой перфекта, ставит в центр внимания сам факт совершения действия, подчеркивает, что действующее лицо было таковым, которое уже послало, которое кроме письма послало и подарок.

Сходные отношения можно усмотреть и в следующей группе предложений: *bujuqlar inča tep ötüntilär: uluy elig negü gilyalı oğrajuq erki* (Уйг., 3—68) 'Приказы так взмолились: «Каким же образом собрался поступить великий правитель?»' — *anta ötrü elig beg . . . buşi bergäli oğradî* (Уйг., 3—11) 'Затем правитель вознамерился раздать милостыню'; *ol üç ešläri jaqin kelip . . . tavışqanqa inča tep ötündilär: seni körgäli küsüşin sanjaru jaqin keljüik biz* (Уйг., 4—716) 'Те три его товарища, приблизившись, так сказали зайцу: «Мы пришли к тебе с желанием посмотреть на тебя»' — *bu becin ulatı ücägüni adaş üzä atajur men, bular jemä iraqtin berü maya teggäli meni körgäli keltilär* (Уйг., 4—718) 'Эту обезьяну и всех [их] троих я называю товарищами. Они пришли издалека, чтобы встретиться со мной, чтобы посмотреть на меня'. Здесь ясно видно противопоставление взволнованной речи зверей, пришедших к будде, и его спокойной проповеди. Очевидно, что для передачи действий, отличающихся модальной окраской, применена особая глагольная форма.

Анализ приведенных примеров позволяет сделать следующие выводы: 1) форма времени на *-juq* употреблялась исключительно в прямой речи; 2) как правило, высказывания, где встречается эта форма, эмоционально окрашены, экспрессивны; 3) данная форма по своему временному содержанию является формой прошедшего времени; 4) отрицательная форма образуется при помощи глагольного отрицания *-ma-*; 5) в качестве показателей лица используются аффиксы лица местоименной группы; 6) глаголы, от которых образована форма на *-juq* в указанных памятниках, по своему лексическому содержанию выражают либо психическое состояние (*saqin-* 'думать', *oğra-* 'намереваться'), либо конкретные действия, которые могут мыслиться как достигающие предела, полноты исполнения (*ba-* 'связывать', *jü-* 'собирать', *id-* 'посылать', *olur-* 'садиться'), либо изменение признака (*qir-yilat-* 'сесть', *qari-* 'стареть', *bol-* 'становиться').

Исследование также показало, что форма прошедшего времени на *-juq* в древнеуйгурском языке противопоставлялась другим временным формам по модальным признакам. Но каково ее модальное содержание? В отношении этого пока можно высказать лишь предположения. Наши памятники, к сожалению, не дают исчерпывающих данных. На основании же имеющихся фактов можно заключить, что время на *-juq* выражало известную категоричность совершения действия, точнее, подчеркивало его важность, особенность, яркость, характерность; с другой стороны, наличествовало указание и на определенную исчерпанность, полноту этого действия, что и выдвигало его на особое место. Если это так, то данная форма относилась к общему прошедшему времени на *-di* как прошедшее конкретное, определенное, а к прошедшему на *-miš* как обычное прошедшее, т. е. не перфект, но с оттенком некоторой законченности действия. В самом деле, *barjuq ol* в первом примере можно понять в том смысле, что отец спрашивает конкретно, определенно, куда ушла дочь, т. е. где она; слуги же отвечают, что ее унес демон; но, с другой стороны, *barjuq* показывает и исчерпанность действия: дочь ушла (отец ведь искал ее), ее уже нет, но тогда — где же она? Во втором примере подтекст говорит: мы в е д ь поседели и постарели, т. е. мы изменились, мы уже не те, что раньше были. То же можно выявить и в других примерах.

Подобное объяснение значения формы древнеуйгурского прошедшего времени на *-juq* подтверждается также сравнением ее с некоторыми формами в современных тюркских языках. Мы имеем в виду форму прошедшего времени на *-чык* в тувинском языке и прошедшего на *-чых* в хакасском языке.

Тувинское прошедшее время на *-чык* впервые достаточно полно описано А. А. Пальмбахом в «Грамматике тувинского языка»: «Основное значение формы на *-чык* — категорическое утверждение или подтверждение (напоминание) того, что данное действие было в прошлом совершено. Формальная особенность употребления этой формы в тувинском языке: она сочетается обычно с вопросительными словами. . . Форма прошедшего риторического времени на *-чык* характерна для диалогической речи, особенно для речи сценической, — там, где одно из действующих лиц, возражая другому, что-либо утверждает или подтверждает. Эта форма характерна для аналогичных реплик в ораторской и бытовой речи. В предложениях вопросительных форма на *-чык* придает вопросу эмоционально-экспрессивный характер и часто сопровождается эмоционально окрашенными частицами»².

² Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах, *Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология*, М., 1961, стр. 376—378.

Значительное место анализу тувинской формы прошедшего времени на *-чык* уделено в работе Д. А. Монгуша³. Выводы Д. А. Монгуша относительно значения и употребления этой формы в целом совпадают с выводами А. А. Пальмбаха. Анализируя время на *-чык*, Д. А. Монгуш указывает также, что это время нейтрально в видовом отношении и может выражать любое действие независимо от его видовой характеристики и давности⁴.

Это время в тувинском языке образуется при помощи аффикса *-чык* с фонетическими вариантами *-чик*, *-чук* / *-чук*, *-жык* / *-жик*, *-жук* / *-жук*, например: *Аалында келчик бе, келбежик бе?* (Г., 3—19)⁵ 'Он пришел в селение или не пришел?' (смысловой перевод 'он же в конце концов пришел в селение!') *Канчап баржык ирги?* *Сугга дүже бержик ирги бе азы каржы бөрүлөр алгаи баржыктар ирги бе?* (АС., 54) 'Куда же он пошел? Утонул в реке или злые волки его унесли?!'; *Мээң адамны чуге өлүржүк сен, мээң ара албаты ак малымны кым хоозурады олчалай бержик?* (Г., 4—67) 'Зачем ты убил моего отца, а кто ограбил и опустошил моих подданных, мой белый скот?'; *Оон ам чуу болчук ирги ынчаш?* (УХ., 16—53) 'Что же там теперь случилось?'

Уже простое сопоставление тувинских и древнеуйгурских примеров, а также сравнение условий употребления и семантики прошедшего времени на *-чык* и прошедшего на *-juq* указывает на функциональную и семантическую близость этих форм времени.

Что же касается тувинского аффикса *-ч(ы)к*, то его следует рассматривать как закономерное фонетическое соответствие древнеуйгурскому аффиксу *-j(u)q*. Таким образом, сохранившееся в современном тувинском языке прошедшее время на *-чык* исторически соответствует прошедшему времени на *-juq*, зарегистрированному в памятниках древнего уйгурского языка⁶.

Теперь уместно обратить внимание на другую интересную форму в современном тувинском языке. Почти регулярно прошедшее время на *-чык* может быть заменено аналитической конструкцией, состоящей из причастия на *-ган* и частицы *ийик*. Например, *чуу болчук* 'что же случилось?' равносильно *чуу болган ийик* 'случилось что?'. Некоторые тувинцы отмечают в последнем выражении большую категоричность и экспрессию. Возможность

³ Д. А. Монгуш, *Формы прошедшего времени изъявительного наклонения в тувинском языке*, Кызыл, 1963, стр. 137—140.

⁴ Там же, стр. 144.

⁵ Принятые обозначения: Г. 3, 4, 5 — «Тыва тоолдар», вып. 3, 4, 5, Кызыл; АС. — С. Тока, *Араттың сөзү*, Кызыл, 1951; УХ. — альманах «Улуг Хем», Кызыл. В скобках — номер выпуска, после тире — страница издания.

⁶ Ср. К. Н. Menges, *Das Sojonische und Karagassische*, — PhTF, S. 664.

такой замены говорит, вероятно, за перекрещивание значений форм на *-чык* и на *-ган*.

С другой стороны, частица *ийик* участвует в образовании составительной конструкции: причастие будущего времени + *ийик*?, например: *Тыга бай болза, бир янзы коор ийик, кижги кылдыр санаар ийик* (АС., 140) «Если бы тувинец был богатым, то на него смотрели бы по-другому, считали бы человеком»; *Сен моон чоруй барзыңза, дээрэ болур ийик* (АС., 29) «Если бы ты отсюда ушел, было бы лучше».

Наконец, частица *ийик* в некоторых предложениях имеет только усилительное значение, например: *Кым билир ону, билдирер ийик бе ол* (УХ., 9—44) «Кто его знает, вы разве ж узнали?»; *Кижиде каш салаа бар ийик?* — *он ийик!* (УХ., 13—131) «Сколько же пальцев у человека? — конечно, десять!»; *Ук-ызыгуур, бижик-биллик кымда ийик?* (УХ., 13—141) «А именитость, грамотность у кого?»; *Чуглур база бай кижги, хей дээр ийик сен чоп* (УХ., 13—143) «Чуглур же богатый, ты зря ведь говоришь!».

А. А. Пальмбах связывает происхождение времени на *-чык* с этой частицей *ийик* и рассматривает аффикс *-чык* как результат фонетического развития исторически возможного сочетания формы на *-ган* с *ийик* через ступени усечения *-ган*, полного слияния компонентов сочетания и закономерного перехода $j > ч$ ⁸. К этой гипотезе присоединяется и Д. А. Монгуш, считая ее наиболее убедительной. Однако данная гипотеза вызывает ряд возражений: в ней прежде всего остается необъясненным происхождение самой частицы *ийик*. Ниже излагается иная гипотеза.

Из изложенного выше можно заключить, что прошедшее на *-чык* в тувинском языке является самостоятельной формой времени, исторически соотносимой с древнеуйгурской формой *-jug*, а аффикс *-чык* фонетически соответствует аффиксу *-jug*. Представляется, что тувинская частица *ийик* восходит к той же форме прошедшего времени на *-чык* (гесп. *-jug*) от глагола *эр* «быть», который в современном тувинском языке как самостоятельный не сохранился, а вычленяется только исторически в застывших морфологических образованиях (*ирги*, *иргин*, *эртик* и др.)⁹. Поскольку *ийик* < *эр- j ($y \sim u$)к — образование очень древнее и оно рано выпало из всей системы форм глагола *эр*-, в *ийик* сохранился исторический фонетический облик аффикса с j . Так как форма *эр- j (u)к > *ийик* имела определенное модальное значение

⁷ Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах, *Грамматика тувинского языка*, стр. 404.

⁸ Там же, стр. 379.

⁹ О словах *ирги* и *иргин* см. нашу статью «Несколько замечаний о модальных частях *ирги* и *иргин*» («Ученые записки ТувНИИЯЛИ», вып. XI, Кызыл, 1964).

категоричности, то в тувинском языке она, перестав осознаваться как глагольная, перешла в разряд частиц в качестве частицы усиления. Историческое же ее значение (как формы прошедшего времени вспомогательного глагола) проявляется лишь в сочетаниях *ийик* с причастием на *-р* при образовании сослагательной конструкции (ср. соответствующие сочетания с *эди* < *эр-ди* в других тюркских языках).

Сходные явления отмечаются и в хакасском языке. Одно из прошедших времен в нем образуется посредством присоединения к основе глагола аффиксов *-чыx/-чix*, *-чыx/-чix*. Эту форму отмечал еще М. А. Кастрен, называя ее претеритом III, который «чередуется с первым и вторым претеритом и обозначает обычно действие, происшедшее неожиданно»¹⁰. Н. Г. Доможаков регистрирует прошедшее на *-чыx* в кызыльском диалекте хакасского языка¹¹; А. И. Инкижекова — в сагайском диалекте («форма передает прошедшее время со следующими оттенками: 1) действие, совершившееся только что, и результат которого ощущается в настоящем; 2) внезапность, однократность действия; данное прошедшее время всегда выражает совершенный вид»¹²). Характерно, что сагайский диалект знает только единственный вариант аффикса с узким губным гласным: *-чук*. Н. А. Баскаков и А. И. Инкижекова-Грекул указывают, что форма на *-чыx* «образуется от любой основы глагола и обозначает недавно совершившееся действие»¹³. Они сопоставляют ее с монгольской формой времени на *-чээ* и киргизской на *-чу* и генетически связывают с формами *-дыг*, *-дык* в других тюркских языках и с формой *-сык*, отмечаемой в орхонских текстах.

Подробно исследовал прошедшее на *-чыx* В. Г. Карпов в своей работе «Изъявительное наклонение в хакасском языке». Он пришел к выводу, что эта форма «в современном литературном хакасском языке употребляется в значении прошедшего времени с оттенком некоторой категоричности. ., она употребляется в одних случаях в значениях, близких к значению формы на *-ган*, в других — в значении, близком к значению формы на *-ды*»¹⁴.

В. Г. Карпов далее замечает, что в хакасском языке так же

¹⁰ М. А. Castren, *Versuch einer Koibalischen und Karagassischen Sprachlehre*, SPb., 1857, S. 35.

¹¹ Н. Г. Доможаков, *Описание кызыльского диалекта хакасского языка*, канд. дисс., Абакан, 1948, стр. 87.

¹² А. И. Инкижекова, *Сагайский диалект хакасского языка*, канд. дисс., М., 1948, стр. 125.

¹³ Н. А. Баскаков, А. И. Инкижекова-Грекул, *Хакасский язык*, — в кн. «Хакасско-русский словарь», М., 1953, стр. 458.

¹⁴ В. Г. Карпов, *Изъявительное наклонение в хакасском языке*, канд. дисс., М., 1955, стр. 228—229.

трудно разрешимым остается вопрос о том, в каком отношении между собой (с точки зрения этимологии) находятся общие по звучанию аффиксы: 1) сослагательного наклонения *-чых* — *парарчыглын* 'я пошел бы'; 2) *-чых*, образующий от глаголов имена — *хоптанчых* 'ябедник', *махтанчых* 'хвостун'; 3) *-чых* как показатель прошедшего времени глагола — *парчыглын* 'я ходил'. Необходимо отметить и случаи употребления *-чых* в сочетаниях с формой на *-ган*: *андаг хыялга мин киргенчилин* 'в такое неудобное положение я попал', *ирееленгенчи* 'он мучился'¹⁵.

Приведем несколько примеров с формой времени на *-чых*: *сарыг адым саалада кистечик* 'Соловый мой конь, получив свободу, заржал'; *ипи мылтых артынып алып ацнап сыхчыг* 'Муж положил себе на плечо ружье и отправился бить зверей'; *хуба чардаң хыс килбечик* 'Не пришла сюда девица с бледной горки'¹⁶; *позым ибیره хара чібек ойлачыг* 'Я перетянут черной шелковой ниткой' («Хакасско-русский словарь», стр. 124); *анымчохтасчадын харахтарып хайди көрчиг хол тутханда хайдаг чагын тынчыг* 'Как она смотрела, когда прощались, каким близким было ее дыхание, когда взяли за руки'¹⁷.

Сказанное выше позволяет хакасскую форму прошедшего времени на *-чых* сопоставлять прежде всего с тувинской формой времени на *-чык*, а затем и с древнеуйгурской формой на *-juq*. Детальное же сравнение времен тувинского и хакасского языков, проведенное Д. А. Монгушем в его монографии, показало, что их основное различие проходит по модальным признакам: первое выражает очевидное действие, второе — любое¹⁸. Иными словами, форма времени на *-чык* входит в строгую систему противопоставлений тувинских временных форм по признаку очевидности действия. В тувинском языке отмечается большая близость формы на *-чык* к древнеуйгурской. В диалектах хакасского языка возникли новые оттенки значений этого времени, однако оно все-таки сохранило и основные модальные значения категоричности, уверенности.

Отвечая на вопрос, поставленный В. Г. Карповым относительно участия аффикса *-чых* в сослагательном наклонении, я предполагаю, что эта форма восходит к историческому сочетанию причастия на *-р* с вспомогательным глаголом *и(р)* - < эр- 'быть' в форме прошедшего на *-чых* — **бар-ар+и(р)-чиг*. Это образование

¹⁵ Там же, стр. 225.

¹⁶ Н. Ф. Катанов, *Хакасский фольклор*, Абакан, 1963, стр. 18 и сл.

¹⁷ В. Г. Карпов, *Изыскательное наклонение в хакасском языке*, автореф. канд. дисс., М., 1955, стр. 10.

¹⁸ Д. А. Монгуш, *Формы прошедшего времени...*, стр. 145; ср. также С. Е. Малов, Ф. А. Фиельструп, *К изучению турецких абаканских наречий*, — ЗКВ, т. 3, вып. 2, Л., 1928, стр. 296.

можно сравнить с аналогичным в тувинском языке (ср. *-p + ийик*). Иначе как же можно объяснить непосредственное присоединение показателя времени *-чих* к причастной основе? Видимо, по той же модели построена и форма *паргайчих* 'пошел бы' (по М. А. Кастрену, «оптатив II») < **par-gai + u(p)-чих*.

Итак, возвращаясь снова к древнеуйгурскому времени на *-juq*¹⁹, мы еще раз подчеркиваем, что среди других прошедших времен оно, по всей вероятности, выделялось характерным модальным значением усиления, категоричности, придающим выражаемому действию-состоянию эмоциональную весомость и подчеркнутость среди других действий. Такой модальный характер формы определял и условия ее применения. Эта эмоциональная окраска могла наиболее полно и ясно проявиться лишь в прямой речи, где мы и встречаем форму прошедшего времени на *-juq*.

Сам же модальный характер противопоставлений глагольных временных форм даже внутри изъявительного наклонения не чужд тюркским языкам. Достаточно взять системы времен почти в любом тюркском языке, чтобы увидеть, что там существуют различия между формами и в модальном плане: прошедшее очевидное и неочевидное, прошедшее объективное и субъективное, будущее определенное, категорическое и будущее неопределенное, предположительное. Можно сказать, что в тюркских языках существуют как бы два типа корреляций глагольных форм: по видо-временным и по модальным признакам. Они взаимодействуют между собой, переплетаются друг с другом, образуя сложную систему. Поэтому нельзя не предполагать, что подобные отношения пронизывали и систему древнетюркского глагола, так что модальный характер прошедшего времени на *-juq* вполне допустим.

При изучении древнеуйгурской формы прошедшего времени на *-juq* возникает и другой интересный вопрос: в каком отношении находилась она с формой на *-duq*, отмечаемой в памятниках орхон-енисейской письменности и в памятниках древнеуйгурского языка.

Как известно, К. Мюллер считал их фонетическими вариантами, указывая, что «формы на *-jük* и *-juq* представляют собой смягчение *-dük* и *-duq*, как это подтверждается многочисленными примерами; следовательно, *käljük*=*käldük*, *bulyanjuq*=*bulyan-duq*»²⁰.

¹⁹ Ср.: В. М. Насилов, *Древнеуйгурский язык*, М., 1963; A. v. Gabain, *Alltürkische Grammatik*, Leipzig, 1950; A. v. Gabain, *Das Altürkische*, — PhTf; А. М. Щербак, *Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана*, М.—Л., 1961, стр. 141; O. Pritsak, *Das Altürkische*, — «Handbuch der Orientalistik», I. Abt., V. Bd, Altaistik, I. Abschnitt, Turkologie, Leiden—Köln, 1963.

²⁰ F. M. K. Müller, *Uigurica*, II, Berlin, 1910, S. 91.

В. Банг высказывал совершенно отличную точку зрения. Он писал: «Все мы раньше форму на *-juq* связывали с формой на *-duq*. Но после «Уйгурики III» К. Мюллера это предположение нельзя больше сохранять, так как там *-juq* встречается рядом с *-duq*. Мы, следовательно, отделяем *-juq* от *-duq* и сравниваем *-juq* с претеритом III абаканского диалекта (Кастрен, § 77, 83). В уйгурском языке форма на *-juq* очень редко употреблялась адъективно. Весьма часто она применялась в «чистых» глагольных формах: *-juq män*, *-juq sän*, *-juq ol*. Именно эта функция и отделяет *-juq* совершенно определенно от *-duq*»²¹.

Действительно, преобладающей функцией формы на *-juq* была предикативная, что и показано выше. Однако форма выступала иногда как определение. Например: *övkä köyül öritmäjüik tünliḡ men* (Уйг., 3—42) 'Я существо, которое не возбудило в себе гнев'; *edgü tetjüik nomluḡ erdäni* (ТТ., 3—194) 'Драгоценность учения, называемого «благо»'. Встречались также случаи ее субстантивации: *sav söz ötmäjükiñä... usmaqimiz suvsamaqimiz turdi* (СЦ., 7—384) 'Так как известия не доходили..., то нам оставалось лишь блекнуть и жаждать'; *beş bilgä bilig bilmäk atlıḡ şastrlar siziyä edi bilmäjüiki qalmadı* (СЦ., 7—373) 'Для вас не остались абсолютно неизвестными трактаты под именем «Познание пяти премудростей»'.

И напротив, в памятниках енисейско-орхонской письменности имя на *-duq* обычно «выражает атрибутивные признаки определяемого им слова, когда оно является объектом действия»²² или выступает как субстантив.

В. В. Радлов считал, что в этих памятниках форма на *-duq* никогда не выступала как *verbum finitum*²³. Другие же исследователи допускают для этой формы и предикативное употребление, ссылаясь на следующие примеры²⁴: *etinü jaratunu umaduḡ jana içikmiş* 'Они не смогли создать [союз] и опять подчинились' (КТб., 10); *inisi eçisin teg qilinmaduḡ erinç* 'Их младшие братья не были подобны старшим' (КТб., 5). Относительно этих примеров заметим, что во всех них встречаются только отрицательные формы *-maduḡ*.

²¹ W. Bang, A. v. Gabain, *Türkische Turfan-Texte*, III, Berlin, 1930, S. 29.

²² В. М. Насилов, *Язык орхоно-енисейских памятников*, М., 1960, стр. 52.

²³ W. W. Radloff, *Die alttürkische Inschriften*, Neue Folge, Spb., 1897, S. 116.

²⁴ Ср.: В. М. Насилов, *Язык орхоно-енисейских памятников*, стр. 54; П. И. Кузнецов, *Происхождение прошедшего времени на -ды и имен действия в тюркских языках*, — «Тюрко-монгольское языковедение и фольклористика», М., 1962; В. Котвич, *Исследования по алтайским языкам*, М., 1962, стр. 288—295; O. Pritsak, *Das Altürkische*, S. 43.

В памятниках уйгурского письма форма на *-duq* встречается значительно реже. Употребление же формы на *-duq* в древнейгуьгурском языке не отличалось, как показывают наблюдения, от употребления ее в памятниках енисейско-орхонского языка.

Из имеющихся фактов можно заключить только то, что непредикативное употребление формы на *-juq* — весьма редкое явление, и наоборот, отмечаются лишь единичные случаи применения формы на *-duq* в качестве личной (и то только 3-е лицо!) ²⁵. Установить действительное взаимоотношение между этими двумя формами пока не удастся. Здесь можно высказать лишь некоторые догадки и предположения. Поскольку образование с *-juq*, являясь глагольным именем, субстантивировалось или выступало как определение, а в предикативной позиции служило основой личной формы глагола, передающей прошедшее действие, допустимо, что именно в предикативном употреблении эта форма могла, потеряв связь с исходным образованием, закрепиться в качестве особой формы времени древнейгуьгурского языка и уже развиваться вполне самостоятельно, что и подтверждается данными современного тувинского и хакасского языков.

Хочется обратить также внимание на осторожность, с какой приходится подходить к решению вопроса о соотношении форм на *-duq* и на *-juq* в древнетюркских памятниках. Некритичный подход к этому может привести к весьма спорным построениям: имеется в виду следующий ряд допущений и вытекающий из них вывод. П. И. Кузнецов вполне определенно высказывается, что «прошедшее время на *-dy* исторически было прошедшим временем на *-dyk*» ²⁶. С другой стороны, некоторые тюркологи считают, что *-duq* и *-juq* — фонетические варианты одного и того же аффикса ²⁷. Если принять, что форма на *-dïq* — образование одного ряда с формой на *-duq* (это допускает П. И. Кузнецов), то, естественно, в этот ряд включается и форма на *-juq*, тогда имеем ряд *-dïq/-duq/-juq*. Древнейгуьгурское *-juq* в свою очередь сопоставляется выше с тувинским *-чык* и хакасским *-чых*. Логическим завершением такого ряда допущений и сопоставлений является вывод о связи тувинской и хакасской форм с образованиями на *-dïq/-duq* в древнетюркских памятниках, с одной стороны, а с другой — о связи форм прошедшего времени на *-чык* в тувинском языке и

²⁵ В данной статье мы не касаемся проблемы соотношения указанных форм с формой на *-miš*, которая представляет значительный интерес, особенно в плане сопоставления положительной формы на *-miš* и *-juq* с отрицательной формой *-tadiq* и *-tajuq*.

²⁶ Ср. П. И. Кузнецов, *Происхождение прошедшего времени на -dy...*, стр. 50.

²⁷ Ср. В. М. Насилов, *Древнейгуьгурский язык*, стр. 60.

на *-чых* в хакасском с формой прошедшего времени на *-ды*. Вряд ли теперь обо всем этом можно судить столь определенно и достоверно.

В связи с вопросом предикативного употребления формы на *-diq* здесь только упомянем об одной очень интересной сослогательной конструкции в тувинском языке, которая образуется сочетанием формы на *-гай* и частицы *эртик*. А. А. Пальмбах называет *эртик* модальной частицей, служащей для образования сослогательной формы глагола. Например: *кежээниң хаязынга чедир кылаштап кээр болза, канчап баргай эртик бо* (АС., 12) 'Если бы он шагал до самого заката, то как бы он пошел'. Конструкцию с *-гай* + *эртик* можно сопоставить, с одной стороны, с сослогательной конструкцией *-р + ийик*, а с другой — с сочетанием *-гай* с формой *эди* < *эр-ди* в других тюркских языках. Саму же тувинскую частицу *эртик* можно разложить **эр-* + *-тик*, где выделяется глагол бытия *эр-* и аффикс *-тик* < *-dik// -diq* (?); частица *эртик* имела, видимо, когда-то значение прошедшего времени.

При сопоставлении форм прошедших времен на *-чык* и *-чых* тувинского и хакасского языков с формой на *-juq* в древнеуйгурском языке встает еще одна проблема — соотношение их всех с формой прошедшего времени на *-чу* в современном киргизском языке и с формой времени на *-чээ// -жээ* в монгольском языке. Некоторые исследователи высказывают предположение об их генетической связи²⁸ и даже прямом соответствии²⁹. Н. А. Баскаков, устанавливая общий генезис форм *-дык// -чых// -чу// -жээ// -чы*, допускает, что формы на *-чык// -чых* в тувинском и хакасском языках являются «относительно новым заимствованием из монгольского языка»³⁰. Однако факты, которые дает нам древнеуйгурский язык, позволяют несколько по-иному взглянуть на соотношение указанных форм.

В заключение следует указать, что в памятниках уйгурского письма встречаются случаи употребления аналитической конструкции *-juq + erdi*. Эта конструкция имела временное значение и как форма времени входила в систему относительных времен³¹.

²⁸ Ср. Н. А. Баскаков, А. И. Инкижекова-Грекул, *Хакасский язык*, стр. 458; Н. [А.] Баскаков, *Формы глагола на -чых// -чик ∞ -чу// -чу в хакасском, тувинском и киргизском языках*, — «Вопросы тюркологии», Ташкент, 1965.

²⁹ Ср. Б. О. Орузбаева, *Формы прошедшего времени в киргизском языке*, Фрунзе, 1955, стр. 42—43.

³⁰ Н. [А.] Баскаков, *Формы глагола на -чых// -чик ∞ -чу// -чу* . . . , стр. 9—10.

³¹ См. Д. М. Насилов, *Структура времен индикатива в древнеуйгурском языке (по памятникам уйгурского письма)*, автореф. канд. дисс., М., 1963, стр. 13.